

Для цитирования: Касавин И. Т.
Российский проект социальной
эпистемологии: критические размышления //
Социум и власть. 2022. № 3 (93). С. 106—113.
DOI 10.22394/1996-0522-2022-3-106-113.
EDN PJFGUY.

УДК 140.8

EDN PJFGUY

DOI 10.22394/1996-0522-2022-3-106-113

РОССИЙСКИЙ ПРОЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ: КРИТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ¹

Касавин Илья Теодорович,
Институт философии РАН,
руководитель сектора
социальной эпистемологии,
доктор философских наук, профессор,
член-корреспондент РАН. Москва;
заведующий кафедрой философии,
Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия.
E-mail: itkasavin@gmail.com

Аннотация

Введение и цель. Статья представляет собой реакцию на ранее опубликованную в данном журнале статью А. М. Орехова, в которой рассматривается состояние дел в российской социальной эпистемологии. Высказываются ответы на критические комментарии и предлагается уточнение обсуждаемых фактов и теорий.

Методы. Автор статьи использует метод концептуального анализа и исторического нарратива.

Научная новизна исследования. Российская социальная эпистемология по-новому вписывается в мировой философский контекст, уточняется ее концептуальный и методологический статус, раскрываются детали ее формирования и развития за последние тридцать лет. Обозначаются ее черты, позволяющие причислить ее к неклассической эпистемологии.

Результаты. Приводятся аргументы против критической оценки современного состояния российской социальной эпистемологии в части ее зависимости от западных влияний. Утверждается, что российская философия не может и не должна полностью избавляться от зависимостей, поскольку это граничит с изоляционизмом. Дается критическая оценка КГМ-стилю, который предлагается как перспектива социальной эпистемологии.

Ключевые слова:

социальная эпистемология,
неклассическая эпистемология,
междисциплинарность,
вненаучное знание,
STS,
кризис,
современность,
гуманизм

¹ В порядке исключения я вынужден отказаться от некоторых ссылок и источников в списке литературы, поскольку это бы привело к избыточному самоцитированию.

Введение

Настоящая статья представляет собой ответ на публикацию: Орехов А. М. Российская социальная эпистемология: от «Ldsh-стратегии» к «Ldsh-зависимости» // Социум и власть. 2022. № 2 (92). С. 96—106. Мы рады, что наши скромные усилия по продвижению российского проекта социальной эпистемологии привлекают внимание и даже удостоены квалифицированного критического анализа. Дискуссия, по нашему мнению, это философский (социально-гуманитарный вообще) аналог эксперимента в естествознании. Во многом поэтому нами инициированы многочисленные дискуссии на страницах таких журналов как *Epistemology and Philosophy of Science*, *Вопросы философии*, *Вестник Томского государственного университета* (серия Философия. Социология. Политология), *Social Epistemology*, *Philosophy of the Social Sciences*. Критическая дискуссия — всегда способ совершенствования, обогащения и продвижения своих идей. Критик — аутентичная ипостась философа. Мы сами постоянно критикуем наших оппонентов, что позволяет развернуть аргументацию в пользу собственных идей. Поэтому мы признательны Андрею Михайловичу за повод для важного разговора.

Социальная эпистемология — антидоктринальное движение

Российская социальная эпистемология возникла в конце 80-х годов XX в. как интерес к Сильной программе социологии научного знания (Д. Блур, Б. Барнс). Вместе с тем она шла своим путем в процессе пересмотра классической марксистской теории познания (теория отражения) и преодоления зависимости от неопозитивизма, который начиная с 1960-х годов составлял альтернативу марксистской философии науки. Этот путь состоял в том, чтобы уйти от отождествления знания как такового и научного, истинного знания. В отличие от большинства наших старших коллег мы предприняли анализ вненаучных форм знания, чтобы показать, какое познавательное содержание может быть обнаружено в обыденном сознании, искусстве, морали, религии, магии и мифе благодаря присущим им формам социальности. Эта программа развивалась более двадцати лет в рамках ряда российских и международных проектов; упомяну только три наиболее важные монографии по этой теме: «Заблуждающийся разум. Многообразие вненаучного знания»

(М. : Политиздат, 1990, под ред. И. Т. Касавина), «Разум и экзистенция. Анализ научных и вненаучных форм мышления» (СПб. : РХГИ, 1999, под ред. И. Т. Касавина и В. Н. Поруса) и нашу книгу: Касавин И. Т., Щавелев С. П. Анализ повседневности (М. : Канон+, 2004). Проблематика и методологический инструментарий наших исследований постоянно расширялись благодаря включению в работу коллег из разных регионов России и мира.

С самого начала мы отнюдь не стремились развивать социальную эпистемологию в догматическом, копирующем худшие образцы марксистской философии, клуче. Уйти от доктринального, аксиоматического способа выстраивания философской концепции, двигаться от решения конкретных исследовательских задач к обобщениям, а не наоборот, — вот в чем состоял наш подход. Социальная эпистемология понималась и понимается нами не как теория в классическом гипотетико-дедуктивном смысле, не как парадигма, записанная в учебниках. Скорее, она мыслится как общая концептуальная рамка, как совокупность неявных допущений (в философии их также трудно избежать), которые не столько ограничивают, сколько инспирируют самостоятельные решения задач и постановку проблем. И поэтому, даже решаясь на обобщения в ряде коллективных и индивидуальных монографиях, мы рассматривали их как попытку подытожить этап незаконченного пути, а не как формулировку парадигмы (Т. Кун), тематического пространства (Дж. Холтон) или научно-исследовательской программы (И. Лакатос). Было определено общее направление движения, сложилось сообщество понимающих друг друга коллег, инициированы и реализованы разные исследовательские проекты. Тем самым возникло концептуальное и эмпирическое многообразие позиций, мнений и подходов, обеспечивающее плодотворную работу и втягивающую в дискуссии все более широкие круги философов и ученых.

Подчеркну, что главным для нас казалось развитие творческой эпистемологии и философии науки, а не какого-то конкретного направления, пусть даже социальной эпистемологии. Поэтому мы создали журнал под названием «Эпистемология и философия науки» (2004), Энциклопедию эпистемологии и философии науки (2009), Русское общество истории и философии науки и выполнили десятки исследовательских проектов на темы, казалось бы, далеко отстоящие от социальной эпистемологии. Однако, если

посмотреть на работу известных ученых в области математики или физики, то мы также увидим широкий разброс интересов к многообразным научным задачам. И, кстати, как известно со времен Т. Куна, парадигмы представлены научному сообществу не как актуальные достижения, но, скорее, как историческая реконструкция этапа в развитии науки. Так что пусть наши историки и судят о том, какова социальная эпистемология в России. Для нас же, как и для нормальных ученых, социальная эпистемология является не самоцелью, но, скорее, сверхзадачей, нитью Ариадны в разработку разных вопросов наших дисциплин, по классификации ВАК — 5.7.1. (00.09.01) «Онтология и теория познания» и 5.7.6 (00.09.08) «Философия науки и техники».

При этом оказывалось, что даже общая установка на социальную эпистемологию позволяет открыть новую предметную область и предпринять ее оригинальную проблематизацию. Философская интерпретация известных проблем и постановка новых, формулировка и решение конкретных задач, а не концептуально отточенная доктрина российской социальной эпистемологии — вот что представляется нам наиболее интересным и важным. Так, мы предложили новое видение эпистемологии Д. Юма, воскресили из небытия родоначальника философии науки У. Хьюэллса, приступили к переоценке достижений Б. Гессена в области истории и философии науки, нашли свой собственный способ рассмотрения проблем коллективной эпистемологии и эпистемологии свидетельства (Э. Соса, Дж. Лэки), эпистемологии добродетелей и этики науки, применили социальную эпистемологию в области философии языка и сознания и др. Панорама важнейших из исследованных нами проблем и (хотелось бы надеяться) достижений за 2004—2014 гг. представлена в монографии-диспуте [5].

Ответ на критику

С точки зрения сказанного выше некоторые критические обобщения Андрея Михайловича выглядят достаточно искусственно. Так, анархический монографизм, в котором он уличает наше сообщество, на деле оказывается естественным следствием работы по разным исследовательским проектам, а не копанием одной и той же делянки, что мы никогда не считали за большое достоинство. Далее, «Ldsh-стратегия» как способ вхождения в мировую науку вслед за зарубежным лидером опять-таки на деле пред-

стает не тупиковой стратегией, но естественным критическим освоением мирового философского наследия. В конце концов, мы все стоим на плечах гигантов. И кстати, за редким исключением, мы не занимались специальным исследованием вклада Д. Блура, Э. Голдмана и С. Фуллера в эпистемологию и философию науки, полагая, что за них говорят их собственные труды. Мы воспринимали их как коллег, с которыми ведется равноправный диалог и сотрудничество, и они нас, полагая, воспринимали в таком же качестве. Напомню, что последние тридцать лет мы вели тесное сотрудничество с широким кругом известных зарубежных философов, среди которых Курт Хюбнер, Ханс Позер, Ханс Ленк, Герман Люббе, Ричард Рорти, Ром Харре, Джон Дюпре, Гарри Коллинз, Том Рокмор. Все они с пониманием относились к нашей социально-эпистемологической установке, а мы не пытались непременно пристроиться к ним в кильватер. Я уверен, что еще более тесное сотрудничество с авторитетными философами и учеными во всем мире, участие в большем количестве важных международных ивентах принесло бы еще более значимые результаты. Здесь, безусловно, у нас есть еще очень большие резервы.

Творческие люди обычно находят правильное соотношение в использовании чужих и собственных идей. Доказать, что российская социальная эпистемология — не более, чем эпигонство на тему Фуллера, не получится с фактами в руках. Так что «Фуллер-зависимость», якобы обнаруженная А. М. Ореховым в российской социальной эпистемологии, опирается лишь на факты сотрудничества с этим нашим коллегой, но не на безудержные заимствования нами его идей. Со своей стороны, он сам не раз признавал использование наших концептуальных находок. Мы публиковали статьи Фуллера и его коллег в наших журналах, он делал то же самое по отношению к нашим статьям. Мы вместе выполняли исследовательские проекты, организовывали конференции. Впору упрекнуть Фуллера в «русской зависимости», но он и не отказывается от того, что является другом России и российских философов. В целом, идея «подлинно российской социальной эпистемологии» представляется утопией, ведущей к изоляционизму. Нет и не может быть концепций, свободных от влияния. Иосиф Бродский писал, что «поэт... — человек, легко впадающий в зависимость от порядка чужих слов, чужих размеров», человек, всегда готовый «поклониться тени». В значительной мере

это относится и к философу, отдающему дань своей истории.

Наконец, обнаружение А. М. Ореховым того «криминального» обстоятельства, что некоторые наши индивидуальные монографии включают ревизии ранее опубликованных статей, опять-таки оказывается неинформативным. Классические книги типа «Две догмы эмпиризма» У. Куайна являются вообще сборниками статей, что не делает их менее значимыми. И мы также полагаем, что работа в рамках некоторого направления исследований должна сначала отражаться в журнальных статьях, но завершаться итоговой монографией, содержащей, в том числе, системно выстроенные, уточненные и дополненные ранее опубликованные результаты.

Мы постоянно подчеркиваем, что социальная эпистемология — форма неклассической эпистемологии. В тех случаях, когда идет речь о преодолении конфликта неоклассики и неклассики, т. е. аналитической социальной эпистемологии (Э. Голдман) и критической социальной эпистемологии (С. Фуллер), я иногда говорю о перспективе третьей, «постнеклассической» эпистемологии. Это напоминает известную триаду В. С. Степина, сторонником которой я не являюсь, хотя В. С. Степину и принадлежат важные социально-эпистемологические идеи. В любом случае это лучше, чем предлагаемая нам А. М. Ореховым триадическая ретро-перспектива «Кант — Гегель — Маркс», которая возвращает к классической эпистемологии, во многом исчерпавшей свой позитивный потенциал. И она, кстати, тоже уводит нас от проекта «собственно русской» социальной эпистемологии. Отдельно заметим, что мы едва ли примем настойчивую рекомендацию А. М. Орехова учитывать замечания неких не слишком осведомленных авторов, продвигающих глубоко устаревший сциентистский и натуралистический подход в эпистемологии и философии сознания. Не думаю, что такой «шаг вперед, два шага назад» будет востребован в современном российском контексте.

В российской философии науки семидесятых — восьмидесятых годов XX века было налажено неплохое сотрудничество с учеными-предметниками разных дисциплин. Сегодня оно существенно ослабело, и его нужно восстанавливать, углублять. Философу не помешало бы отправиться в научную лабораторию, экспедицию, больше читать научной литературы, участвовать в научных дискуссиях. Это в полной мере относится к российской социальной эпис-

темологии, и здесь нам снова есть чему поучиться у наших зарубежных коллег. Впрочем, наши недостатки и слабости отчасти являются результатом того, как устроено сегодня школьное и университетское образование в России, и это уже совершенно другая тема.

Социальная эпистемология: история и современность

Кратко изложу мое нынешнее представление о содержании и перспективах российской социальной эпистемологии. Оно нашло выражение в ряде предшествующих публикаций, например [3, с. 9—14], я вынужден повторить многое из уже сказанного.

Философия изменяет свою форму не только с каждым новым открытием в естествознании (вспомним классиков). В значительно большей степени подобные трансформации производны от новых течений в науках о человеке и обществе, а также изменениям в социуме и культуре. Вместо дифференциации наук начинает доминировать междисциплинарность, философия все смелее переходит границы других дисциплин, а ученые-предметники все чаще задумываются о методах, идеалах и нормах, а также картинах мира. Откликаясь на эти современные вызовы, социальная эпистемология, совершает, как минимум, четыре заметных поворота.

Прежде всего, она демонстрирует «эпистемологический империализм», затрагивая области политики, экономики и культуры и давая смежным наукам пример критической рефлексии. Далее, она черпает у данных дисциплин элементы эмпирического содержания, выстраивает на них аналогии, мысленные эксперименты и приступает к оригинальным кейс-стадиям. Помимо этого, эпистемология систематически заимствует и переосмысливает конкретно-научные понятия и создает новый неклассический язык. И наконец, она покидает башню из слоновой кости как аутентичное философское пространство, а сумерки — как подлинное время философствования. Отныне, предпринимая рейды в область реальной жизни, социальный эпистемолог оставляет ограниченные дисциплинарные рамки и претендует на роль публичного интеллектуала. В предмет его исследования попадают все болевые точки современности — от политики Дональда Трампа до конституционной реформы и от кибер-терроризма до биобезопасности. Помимо всего, свойственную эпистемологу критичность желательно направлять и на свою область

деятельности. Философы и ученые, как правило, находят в состоянии современной эпистемологии признаки кризиса, который нуждается в осмыслении и преодолении. Параллельно возникает необходимость пересборки дисциплинарной структуры анализа знания, заново сопрягающей эпистемологию и философию науки, историю и социологию науки, науковедение и *science and technology studies*. Вследствие этого, пересматриваются такие фундаментальные понятия как «наука», «природа», «знание», «истина» и «рациональность». При этом искус метатеоретических проблем влечет эпистемолога в обитель «кабинетного философа» и уводит от взыскуемого публичного пространства и реального времени.

Несколько слов об истории, которая есть ключ к современности. В начале 80-х годов, на старте моей работы в Институте философии РАН я пользовался научным заделом — материалами кандидатской диссертации о Поле Фейерабенде, опубликованной частично в [1]. Эта тема дала веер точек роста к проблемам рациональности, научных традиций, типологии знания. Фейерабэнд известен рядом полемических заявлений. В частности, он предлагал философам науки доказать, что наука лучше магии. Это предполагало, что философ науки должен не только знать, что такое наука, но и понимать, чем является магия как форма познания мира. Как следствие, ставился вопрос о типах знания и рациональности и о необходимости изучать то, что ранее рассматривалось как девиации, знание за пределами науки. В восьмидесятые годы XX в. данная проблематика только входила в сферу эпистемологического интереса и на фоне догматической марксистской гносеологии выглядела свежей и привлекательной. Теория отражения постепенно сходила со сцены. Вскоре возникло что-то вроде новой исследовательской программы, в которой стали участвовать наши коллеги. Результаты публиковались в книгах с забытыми сегодня сотысячными тиражами; они и до сих пор вполне читабельны. В 1994 г. в рамках этой программы мы вместе с Куртом Хьюбером, Германом Люббе, Хансом Ленком, Хансом Позером выиграли мегагрант Фонда Фольксваген, а в 2005, уже с другой командой — грант Фонда Темплтона. Так была инициирована, говоря словами Т. Куна, микрореволюция, разработана новая минипарадигма под названием «Анализ вненаучного знания». С годами она была интегрирована в университетские программы, став частью «нормальной науки».

Обобщение опыта данной работы выводило нас в область социальной теории познания [6] и, далее, социальной эпистемологии [7]. Один из первых систематических опытов ее изложения я предпринял в монографии [2]. Ее переработанная версия вышла в 2003 году на немецком языке. Мне посчастливилось к тому времени познакомиться с Д. Блуром, Э. Голдманом и С. Фуллером лично, в той или иной мере сложилось взаимодействие, и вскоре в Институте философии РАН был создан сектор социальной эпистемологии. Это событие оказалось первым примером институционализации данного направления в мировой философии. Об этом упоминает и С. Фуллер в одной из своих недавних статей.

В начале двухтысячных годов активная творческая работа нашего коллектива натолкнулась на новую тему. Обстоятельства динамично менялись, а особенности, положение науки в социуме, и это выступало приоритетным вызовом для социальной эпистемологии. Так, возникла потребность частично заморозить анализ вненаучного знания и обратиться вновь к исследованию науки и техники. Тем самым можно было найти ответ на вопрос о характере постмодерна, без чего трудно мыслить о будущем, т. е. осуществлять проективную функцию философии. Вместе с тем наступил момент для выхода за пределы устаревшей конфронтации классической и неклассической эпистемологии, конфликта разных ветвей социальной эпистемологии. Реализуя обе эти задачи, мы фактически отвечаем на вопрос, поставленный в полемической статье З. А. Сокулер о кризисе в эпистемологии [4]. Мы легко обнаружим этот кризис, если будем этот диагноз рассматривать как самооправдывающийся прогноз. Признание кризиса поводом для отчаяния и отказа от своих идей означает кризис на самом деле. Ведь если воин сам бросил меч, то он проиграл битву.

Иное дело, если кризис рассматривать как творческий вызов. Например, можно распознать в нем намек на то, что эпистемологии пора выйти из модуса «кабинетной философии», обратить внимание на внешнее окружение и пойти навстречу другим философским дисциплинам и гуманитарным наукам. Тогда есть шанс увидеть радикально изменившееся лицо современной науки и техники, которые всерьез реализуют прогноз К. Маркса и становятся главной общественной производительной силой.

Большая наука наших дней воплощена в мегаустановках, международных

мегапроектах, практическом эффекте для политики и экономики. И вместе с тем наука является особой формой общения, сферой социальных, культурных и личных интересов, культурным объектом, специфическим дискурсом и специфическим субъектом — научным сообществом. Научная деятельность и коммуникация сопрягается с нормами морали, претендует на функцию общественного блага, подавая позитивный пример всему обществу. Одновременно значение научных достижений в состоянии оценивать только сами ученые (известный парадокс экспертов). А прикладное значение и внешняя оценка научных достижений становятся столь значимы, что заставляют науку активно оберегать свою интеллектуальную собственность.

Гипотеза, которую я последнее время тестирую, состоит в следующем. Именно эти, часто скрытые от непосредственного наблюдения черты науки являются ключом к пониманию ее природы и особого социального статуса, а также к ее инфраструктурной перестройке, необходимой для динамичного развития. Соответственно, их исследование нуждается в новом методологическом инструментарии, разрабатываемом философией науки и техники и иными социально-гуманитарными науками. Это обстоятельство порождает и новое научное направление. Это исследование науки, техники и общества в их единстве: оно отвечает за социальный прогресс и будущее человечества. На Западе данное направление именуется *Science & Technology Studies (STS)*. По нашему мнению, в нем наука выступает как главная предметная область для большого ряда наук, и не только наук о человеке и обществе. Адекватное представление о науке дает нам ключ к тому, что есть современность как таковая. И пусть наука неидеальна, но в этом она напоминает демократию, по Черчиллю: ничего лучшего у нас нет.

STS представляет собой интегральную междисциплинарную гуманитарную платформу исследования современности. Эпистемология и философия науки (отныне они рассматриваются в единстве) могла бы играть в данном междисциплинарном взаимодействии важную роль, но на Западе ситуация в основном разворачивается по сценарию отрицания философии как спекулятивного теоретизирования. Отношение к философии в России со стороны государства и ученых-предметников также далеко от желательного, в то время как никакая иная дисциплина не в состоянии выполнять ее уникальные и необходимые функции. В ка-

честве ответа на эти вызовы мы выдвинули идею и проект расширения социальной эпистемологии до социальной философии науки как российской версии STS. Цель этого и ряда других близких проектов, заключается в том, чтобы представить науку в единстве ее коммуникативных форм, ее истории и нормативно-ценностного измерения, т.е. дать образ науки с человеческим лицом. *Это идея науки как гуманистического проекта, провозвестника Нового Просвещения.*

Наука в наши дни заслуживает осмысления и реабилитации, по крайней мере, по трем основаниям. Прежде всего, наука успела покаяться за некритический и безответственный вклад в глобальные проекты, приведшие к глобальным проблемам. Кроме того, не существует никакого субъекта, кроме науки, способного предложить теоретическое решение данных проблем. Будущее человечества в высокой степени определяется наукой и ее активной социальной позицией субъектом. Далее, прогресс современной науки требует ее реабилитации в качестве приоритетного предмета исследования. Общество имеет право знать, каковы структура и функции этого локомотива истории, чтобы обеспечивать его поступательное и безопасное движение. Наконец, взаимоотношение науки, гуманизма и постмодерна представляет собой сложную исследовательскую проблему. Укажем лишь на многообразие типов гуманизма, среди которых — светский и религиозный гуманизм, научный и моральный, когнитивный и экзистенциальный, модернистский и традиционный и др. Человек, человечность, человечество, взятые в виде высшей цели и критерия некоего учения, немедленно заставляют вопрошать: какой же это человек? Взрослый, белый, здоровый, образованный, состоятельный мужчина? Или же само понятие «человек» являет собой проблему, которую в каждую эпоху и в каждой культуре решают по-своему? И о какой науке, с каким именно человеческим лицом идет разговор? Так современные проблемы философии науки выводят нас в область философской антропологии и социальной философии, политологии и культурологии, а также широчайшего круга социально-гуманитарных наук вообще.

Я полагаю, что именно здесь открываются перспективы современной социальной эпистемологии — не в автономном плавании, а вместе со всей наукой и культурой; не в форме сумеречного полета над остывающим полем сражения, но в качестве

флагмана и модератора живых гуманитарных дискуссий.

Заключение

В заключение еще раз выражаю нашу признательность А. М. Орехову за повод для нас обратиться к самонаблюдению, рефлексии и критике. Принцип рефлексивности Сильной программы Д. Блума предполагает это, но мы, как обычные люди, стараемся себя не перетруждать. В проектных заявках и так приходится все время писать о «научном заделе», «новизне» и «актуальности», «конкурентоспособности», «практической применимости» результатов собственных исследований, что изрядно утомляет. Само-рефлексия в философии граничит с саморекламой и противоречит принципу научной скромности. Значительно интереснее размышлять о реалиях и идеях, приходящих со стороны, из культурного и социального контекстов, из современной науки и техники. Именно они в первую очередь нуждаются в осмыслении. А какой была и будет российская социальная эпистемология, включая и наш вклад в ее историю, — рассудит сама история.

Статья поступила в редакцию 09.08.2022

1. Касавин И. Т. Теория познания в плену анархии. М. : Политиздат, 1987.

2. Касавин И. Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб. : РХГИ, 1999.

3. Касавин И. Т. Наука — гуманистический проект. М. : Весь мир, 2020.

4. Сокулер З. А. Философская теория познания: будущее под вопросом? // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 79—90.

5. Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии ; под ред. И. Т. Касавина, Н. Н. Ворониной. Нижний Новгород : ННГУ : ИФ РАН.

6. Bloor D. Wittgenstein: A Social Theory of Knowledge. New York : Columbia University Press, 1983.

7. Fuller S. Social Epistemology. Bloomington; Indianapolis : Indiana University Press, 1988. 316 p.

References

1. Kasavin I.T. (1987) Teorija poznanija v plenu anarhii [Theory of Knowledge captured by the Anarchy]. Moscow, Politizdat [in Rus].

2. Kasavin I.T. (1999) Migracija. Kreativnost. Tekst. Problemy neklassicheskoj teorii poznanija [Migration. Creativity. Text. Problems of the non-classical theory of knowledge]. St. Petersburg, RHGI [in Rus].

3. Kasavin I.T. (2020) Nauka — gumanisticheskij projekt [Science — a humanist project]. Moscow, Ves mir [in Rus].

4. Sokuler Z.A. (2017) Filosofskaja teorija poznanija: budushhee pod voprosom? [A philosophical theory of knowledge: the future under the question?]. *Voprosy filosofii*, no. 12, pp. 79—90 [in Rus].

5. Epistemologija segodnja. Idei, problemy, diskussii [Epistemology today. Ideas, problems, discussions]. Nizhnij Novgorod, NNGU, IF RAN, pod red. I.T. Kasavina i N.N. Voroninoj [in Rus].

6. Bloor D. (1983) Wittgenstein: A Social Theory of Knowledge. NY : Columbia University Press [in Eng].

7. Fuller S. (1988) Social Epistemology. Bloomington; Indianapolis : Indiana University Press, 316 p. [in Eng].

For citing: Kasavin I.T. The Russian project of social epistemology: critical considerations// *Socium i vlast'*. 2022. № 3 (93). P. 106—113. DOI: 10.22394/1996-0522-2022-3-106-113. EDN PJFGUY.

UDC 140.8

EDN PJFGUY

DOI 10.22394/1996-0522-2022-3-106-113

THE RUSSIAN PROJECT OF SOCIAL EPISTEMOLOGY: CRITICAL CONSIDERATIONS

Ilya T. Kasavin,

RAS Institute of Philosophy,
Department Head (Social Epistemology),
Doctor of Philosophy, Professor,
Corresponding Member of Russian Academy
of Sciences, Moscow; Philosophy Chair,
Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod,
Nizhniy Novgorod, Russia.
E-mail: itkasavin@gmail.com

Abstract

Introduction and purpose. The paper is a reaction to the article previously published in this journal by A. M. Orekhov, which examines the state of affairs in Russian social epistemology. The author provides responses to critical comments and proposes clarification of the facts and theories discussed.

Methods. The author of the article uses the method of conceptual analysis and historical narrative.

Scientific novelty of the study. It is shown in a new way how Russian social epistemology fits into the world philosophical context; its conceptual and methodological status is clarified, the details of its formation and development over the past thirty years are revealed. Its features are indicated, making it possible to rank it as a non-classical epistemology.

Results. The author proposes arguments against a critical assessment of the current state of Russian social epistemology in terms of its dependence on Western influences. It is argued that Russian philosophy cannot and should not completely get rid of dependencies, since it borders on isolationism. A critical assessment of the KHM style is given, which has been proposed by A. M. Orekhov as a perspective of social epistemology.

Keywords:
social epistemology,
non-classical epistemology,
interdisciplinarity,
non-scientific knowledge,
STS,
crisis,
modernity,
humanism.